

ВОСПРИЯТИЕ БОЛГАРИИ И СЕРБИИ**В 1912–1913 гг.****РУССКИМИ НАБЛЮДАТЕЛЯМИ:****СТЕРЕОТИПЫ И СЛЕПЫЕ ЗОНЫ¹**

В 1912 г. связанные системой взаимных договоренностей Болгария, Сербия, Греция и Черногория объявили войну Османской империи. Православные балканские государства одерживали одну победу за другой, что служило поводом для ликования русского общества. Болгария и Сербия, как самые сильные члены Балканского союза, вызывали у русских наибольший интерес, который был обусловлен дополнительно тремя факторами — они по этническому составу населения являлись славянскими, их свобода была куплена русской кровью, и большую помощь в становлении их как государств оказала Россия. В связи с этим успехи балканских славян воспринимались и как собственные.

Перед началом Первой балканской войны многие высказывали сомнения в способности союзников справиться с турками. Война рассматривалась как экзамен на государственную зрелость. И как показалось российскому обществу, он был блестяще сдан. С восхищением говорил проживший долгие годы в Болгарии отечественный физиолог В.М. Бехтерев в Обществе славянского научного единения: «Это в полном смысле слова цветущая и цивилизованная страна, у которой не стыдно поучиться и старшим братьям, ее освободившим. Достаточно сказать, что страна, пространством и населением не превышающая одну нашу губернию, имеет

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант 18–512–76004)

благоустроенную, хотя и небольшую столицу, свой университет, свою Академию Наук, великолепные музеи, величественные монументы, превосходно поставленное в стране земледелие, начавшееся развитие обрабатывающей промышленности, целую сеть своих железных путей, благоустроенные порты и, что важнее всего прочего, 7-ми летнее всеобщее обязательное обучение»². Рассмотрим описание этих «цветущих и цивилизованных стран».

Большинство авторов и не задавалось вопросами о реальном государственном устройстве Болгарии и Сербии, где можно было заметить серьезные отличия. Они отмечали лишь внешнюю оболочку — конституционную монархию. Хотя при этом в прессе в случае с Сербией королю уделялся минимум внимания в отличие от его премьера, в случае с Болгарией центральной фигурой являлся царь. В русской прессе, когда речь заходила о политике Болгарии, то говорилось о царе Фердинанде, в случае с Сербией — о премьерe Н. Пашиче или скупшине. Официально же обе страны имели одинаковое государственное устройство. В чем же причина такой разницы между положением института монархии у столь близких и соседних стран. Ведь при поверхностном взгляде у сербского короля Петра были преимущества: монархия существовала на 70 лет больше, чем в Болгарии, он представлял династию, чей основатель являлся легендой борьбы сербов за независимость, а сам он принадлежал тому же народу. В этой связи можно здесь указать на замеченные Л.Д. Троцким факторы, которые должны были «основательно подкопать монархические чувства» в Сербии: борьбу двух династий, постоянные придворные интриги, бесславное правление отца короля Петра, затем еще менее любимая народом эпоха двух последних Обреновичей³, к этому необходимо добавить и то, что действующего монарха на престол возвели заговорщики. В общем,

² *Бехтерев В.М.* Значение единения родственных народов в общечеловеческой культуре и современные вопросы славянства // *Славянский вопрос в его современном значении.* СПб., 1913. С. 17.

³ *Троцкий Л.* Перед историческим рубежом. Балканы и Балканская война. СПб., 2011. С. 71.

в Сербии, по словам российского историка А.Л. Шемякина, наблюдался перманентный кризис монархизма⁴.

Однако и Болгария имела за своими плечами схожий опыт: изначальное третирование и неуважение к князю со стороны либералов, свержение правителя, потом его возвращение, затем отказ вновь вернуться на трон, непростые поиски преемника. А обретенный помазанник подтвердил свое прозвище «лисица», искусно плетя интриги ради укрепления собственной власти. Как заметила отечественный исследователь Р.П. Гришина, не прибавляло авторитета власти монарха и отмена статьи Конституции о конфессии престолонаследника с последующим ее восстановлением, отлучение от католической церкви в наказание за крещение сына по православному обряду. Если К. Стоилов сокрушался о том, что нет среди болгар священного трепета перед властью первого князя, говоря о необходимости воспитания этого чувства, «... то деяния Фердинанда с этой точки зрения оказывали только обратное действие»⁵.

Самым простым объяснением кажется субъективный фактор — сами характеры Петра и Фердинанда. Е.И. Мартынов утверждал, что сербский монарх был убежденным демократом и настолько щепетильно соблюдал конституцию, что иногда даже делал это избыточно, «не исчерпывая предоставленной ему законом власти»⁶. Иные причины такому поведению видел Л.Д. Троцкий. По его мнению, правящая особа обладала честолюбивыми замыслами, жестоким характером, в качестве претендента на престол он был неутомим и неразборчив в преследовании своей цели, но знал о трагической

⁴ *Шемякин А.Л.* Народ и власть в независимой Сербии // Двести лет сербской государственности. СПб., 2005. С. 176.

⁵ *Гришина Р.П.* Конституционная монархия в Болгарии и ее подданные // Человек на Балканах. Государство и его институты. СПб., 2006. С. 143; *Она же.* Лики модернизации в Болгарии в конце XIX — начале XX века (бег трусцой по пересеченной местности). М., 2008. С. 144.

⁶ *Мартынов Е.И.* Сербы в войне с царем Фердинандом. Заметки очевидца. М., 1913. С. 25.

участи шести предшественников. По его словам, в силу возраста Петр «оказался безличностью» и вынужденно превратился в покорное орудие старорадикальной партии⁷. Но если бы всё было так просто, то и Милан Обренович смог бы удерживать престол, а Фердинанд не сумел бы избавиться от опеки С. Стамболова.

Скорее можно говорить о роли характера Н. Пашича. Посланник России в Белграде в годы Первой мировой войны Г.Н. Трубецкой считал, что лидер радикалов правил как сельский староста, и именно такой тип харизматического лидера подходил Сербии⁸. Но это опять-таки не дает нам полного объяснения, поскольку Фердинанд Кобург не обладал какой-либо заметной харизмой. Дополняют картину построения Л.Д. Троцкого. В Сербии короли сменяли друг друга «с вошедшей в привычку катастрофичностью», поэтому власть сосредоточилась в руках партии, «которая опрокинула двух королей и создала третьего». В Болгарии же политические партии сменяли друг друга «точно в волшебном фонаре», а царь явился единственным устойчивым элементом, сосредоточившим в своих руках все нити правления⁹. Если бы речь шла о более значительных временных масштабах, то можно было бы даже сказать, что у Кобурга была необходимая, по мнению исследователей этого явления, составляющая сакральности власти — континуитет¹⁰. Более того — в силу этого и все достижения как в мирной, так и в военной сферах казались детищем рук Фердинандовых. И недаром, как сообщали русские корреспонденты, митрополит Стара-Загоры Мефодий, обращаясь к царю, пророчествовал, что того нарекут «Царем-Освободителем, и с Божьей милостью — Императором Великой

⁷ *Троцкий Л.* Указ. соч. С. 81–82.

⁸ *Шемякин А.Л.* Сербское общество последней трети XIX — начала XX века глазами русских наблюдателей // *Славяноведение*. 2004. № 3. С. 28.

⁹ *Троцкий Л.* Указ. соч. С. 82–83.

¹⁰ *Зенкин С.* Небожественное сакральное. Теория и художественная практика. М., 2012. С. 397.

Целокупной Болгарии»¹¹. Хотя отношения монарха и церкви до 1912 г. трудно назвать простыми¹². Вскоре всё вернулось на круги своя — поражение в войне и занятая антирусская позиция не были прощены церковью. После Балканских войн болгарский экзарх Иосиф обратился к царю: «Если Вы любите Болгарию, если Вы дорожите династией, Вы должны отречься от престола»¹³. Умер иерарх в судьбоносный момент — летом 1915 г. — со словами: «Болгарский престол занят иностранцем. Он покинет несчастную Болгарию после того, как опозорит и погубит болгарские чаяния и идеалы... Храните Болгарию, которая находится на страшном распутье»¹⁴. Отсутствие сакральности власти покажет 1918 год, когда Фердинанд будет вынужден отречься в пользу сына¹⁵.

Но всё же отношение к власти монарха в Болгарии и Сербии было разным. В последней правила местная, автохтонная династия, что приводило к оценке правителя как первого среди равных. В Болгарии же на престоле находился иностранец, человек, приглашенный «извне», изначально уже не такой, как все. О значимости этого фактора говорит обилие у различных народов преданий о призвании правящих династий

¹¹ *Мамонтов Н.П.* С болгарскими войсками от Балкан до Чатаджи. М., 1913. С. 57.

¹² *Гришина Р.П.* Конституционная монархия... С. 144; *Она же.* Лики модернизации... С. 145.

¹³ Цит. по: *Косик В.И.* Балканы: «Порвалась цепь великая...» (середина XIX — начало XXI в.) М., 2014. С. 31.

¹⁴ Цит. по: Там же.

¹⁵ Что интересно, в последствии в Болгарии наступил период нестабильности власти, характерный для Сербии XIX в.: режим Стамбулийского и кровавая расправа над ним, создание тайных офицерских организаций, взрыв в церкви св. Недели, личный режим царя Бориса. Казалось бы, прекрасный аргумент в пользу вульгарного понимания цивилизационной теории. Но здесь причины покоились в двух «национальных катастрофах». Поступательное развитие страны было прервано начатыми в 1912 г. неудачными попытками решения внешнеполитических задач. Значительные силы были отвлечены от внутреннего развития, а провал в решении македонской проблемы привел и к внутренней дестабилизации.

в Средневековье¹⁶. К тому же Фердинанд Кобург принадлежал к одному из знатнейших родов Европы. О том, какую роль это играет в легитимизации монархии в глазах традиционного общества, можно судить хотя бы по любви Ивана Грозного возводить свое происхождение к Цезарю Августу, а не безродному варяжскому воителю. Однако, с другой стороны, неславянское происхождение и исповедование католичества приводило к значительным симпатиям к русскому царю, поскольку собственный многих символических образов в себе воплотить не мог¹⁷.

Все же отнюдь не происхождение позволяло болгарскому царю добиваться желаемого, используя следующую комбинацию, верно описанную Л.Д. Троцким. Фердинанд определял необходимую, на его взгляд, в этот момент политическую группу, которая затем в результате выборов получала численный перевес в Народном Собрании и поддерживала действующее министерство¹⁸. Не парламентское большинство определяло кабинет министров, а кабинет министров — парламентское большинство. В Сербии же такая схема была невозможна — партия Н. Пашича доминировала беспрекословно, и сербский монарх в случае, если бы он попытался повторить комбинацию своего болгарского коллеги, скорее сам лишился бы престола, чем сумел опрокинуть старорадикалов.

В реальности, однако, кардинальная разница между ними заключалась, так сказать, в факторе Пашича. Царь Фердинанд

¹⁶ «В различных модификациях он получил развитие во многих традициях: римской (передача власти Ромулу и Рему), западнославянской (приглашение на престол Пшемысла у Козьмы Пражского), англо-саксонской (приглашение вождем бриттов Вортигерном двух братьев-саксов Хенгиста и Хорсы), древнерусской (сказание о призвании варяжских князей) и др.» (*Мельникова Е.А.* Происхождение правящей династии в раннесредневековой историографии. Легитимизация иноэтнической знати // Элита и этнос Средневековья. М., 1995. С. 42).

¹⁷ *Гусев Н.С.* Отношение болгарского общества к Дому Романовых во время Балканских войн // Императорский Дом Романовых и Балканы. М., 2014. С. 373–374.

¹⁸ *Троцкий Л.* Указ. соч. С. 35.

сумел избавиться от всеильного премьера С. Стамболова, хотя далеко и не сразу, а у короля Петра на это не было ни времени, ни желания, ни, вероятно, возможности. Что и сказалось на реальном функционировании демократий: в Сербии она была полуторапартийной, узаконившей фактическое единоправие Н. Пашича, а в Болгарии — дирижируемой монархом. Однако не только в суждениях о форме государственного правления журналисты были поверхностны. Они считали Болгарию и Сербию демократическими и правовыми государствами. Им хотелось видеть эти государства такими, и они делали далеко идущие выводы, опираясь лишь на отдельные внешние характеристики. Патриарх отечественной военной журналистики Вас. И. Немирович-Данченко громко заявлял: «Болгария — конституционное государство, где все равны перед законом»¹⁹. Генерал-лейтенант Е.И. Мартынов в «Утре России» писал о Сербии: «Сербия — страна строго демократическая: в ней нет сословий, а имеются лишь равноправные сербские граждане»²⁰.

Институционально так оно и было. В обоих государствах наличествовал парламент, цензура не существовала. Последнее поражало писателя Е.Н. Чирикова: «Должен, однако, заметить, что говорят здесь в публичных местах поразительно свободно!». Но в то же время писатель сам рассказал, что одну из его пьес не поставили в театре, поскольку, как ему разъяснили, «дирекция театра бывает иногда чрезмерно осторожной и дипломатичной». И тут он сам заметил разницу написанного на бумаге и реального исполнения законов: «Конституция прекрасна, но... директор дипломат...»²¹.

Другой факт, удивлявший этого корреспондента, — доступность представителей власти. Его ожидание разрешения властей на поездку на фронт затягивалось. Тогда ему посоветовали позвонить болгарскому премьеру И. Гешову. Писатель крайне

¹⁹ *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. Т. XIV. СПб., 1913. С. 41.

²⁰ *Мартынов Е.И.* Указ. соч. С. 19.

²¹ *Чириков Е.Н.* Поездка на Балканы. Заметки военного корреспондента. М., 1913. С. 43.

удивился, представив, чтобы в России кто-то решил вызвать к аппарату В.Н. Коковцова. На это он услышал ответ: «У нас страна — демократическая»²². Но вряд ли стоит считать это атрибутом демократии. Скорее речь должна идти о другом. Ст. Вольский писал относительно сербов, но данное утверждение можно экстраполировать и на Болгарию: «Личность не успела еще выделиться из коллектива, экономическое развитие не успело еще вырыть психологической пропасти между управляющими и управляемыми»²³.

По-разному народы относились и к возможностям своей демократии. В Сербии корреспонденты отмечали крайне высокий интерес к политике. «Нужно сказать, что сербы вообще чрезвычайно увлекаются политикой, они со страстью читают газеты, и любимый разговор их — на политические темы», — считал Е.И. Мартынов. Он соглашался, что это порождало в стране политиканство и борьбу партий, но это увлечение, на его взгляд, «развивает в широких народных массах сознательное отношение к государственным делам»²⁴. С меньшей симпатией к этой черте сербов относился Н.И. Гасфельд: «Ни в одной стране вы не найдете столько политических партий, как в Сербии: собралось в кофейной несколько человек, поболтали вдоволь — и готова партия, открывшая враждебные действия против другой, к которой новорожденные вожаки еще вчера принадлежали»²⁵. При этом, по мнению Л.Д. Троцкого, партии не отражали внутренних «классовых интересов», а группировались по признаку русофильства и австрофильства²⁶. Но это утверждение представляется архаичным для 1912 г., поскольку после Боснийского кризиса 1908 г. публичное заявление о своей ориентации на Вену граничило с политическим самоубийством. Немалое внимание будущий советский нарком уделил болгарской демократии, которую считал

²² Там же. С. 41.

²³ *Вольский Ст.* Письма с Балкан // Русские о Сербии и сербах. Т. 1: Письма, статьи, мемуары. СПб., 2006. С. 538.

²⁴ *Мартынов Е.И.* Указ. соч. С. 22–23.

²⁵ *Шевалье Н.* Правда о войне на Балканах. СПб., 1913. С. 98.

²⁶ *Троцкий Л.* Указ. соч. С. 52.

более примитивной, нежели сербская²⁷. Не согласен с ним был В. Водовозов, считая Болгарию «наиболее демократическим и наиболее культурным государством Балканского полуострова», даже «в худшие времена стамбуловского деспотизма» бывшим «демократическим и мужицким»²⁸.

В этом вопросе Л.Д. Троцкий смотрел глубже: «“Партия” политически безразличных и безличных здесь, по вполне понятным причинам, очень многочисленна и своими голосами определяет исход выборов. А незачем пояснять, что эта “партия” всегда склонна поддерживать власть». В том, что множество раз разочарованные в своем выборе граждане голосовали за уже находящуюся благодаря царю в правительстве партию (ведь она хоть может исполнить обещания), он и видел основу политической системы Болгарии²⁹.

Как уже указывалось, Л.Д. Троцкий более других корреспондентов уделял внимание функционированию политических систем Болгарии и Сербии. Всё это вкуче с глубоким изучением данного вопроса привело к тому, что его перу принадлежит довольно точная характеристика балканских стран как запоздалых: «Запоздалая страна в своем историческом движении похожа не на корабль, который сам прокладывает себе путь по волнам, а на баржу, которую тащит на буксире пароход»³⁰. В итоге осуществлялась попытка модернизационного скачка, приводившая далеко не всегда к желаемым результатам. Это также верно подметил Л.Д. Троцкий, указав, что история не отвела странам Востока и России достаточно времени для нормального постепенного развития и «заставила их строить железные дороги и заводить для своих армий аэропланы — прежде чем они провели шоссейные дороги; она напаялила их имущим классам на головы лоснящиеся цилиндры — прежде чем в эти головы проникли европейские понятия; она осветила, наконец, центры городов великолепными калильными фо-

²⁷ Там же. С. 80.

²⁸ Водовозов В. На Балканах // Современник. 1913. № 8. С. 319, 322.

²⁹ Троцкий Л. Указ. соч. С. 38.

³⁰ Там же. С. 37, 47.

нарями — прежде чем осушила на окраинах отвратительные лужи, очаги зловония и заразы»³¹.

Диаметрально противоположным было суждение Вас. И. Немировича-Данченко, высказанное им во время тоста на торжественном обеде перед отъездом из Болгарии. Он предложил поднять бокалы «за демократическую Болгарию, великую работницу будущего, сотрудницу в общемировом движении к вечным созвездиям человечества — свободе, красоте, знанию. Да живет она, когда цветы покроют могилы, и когда свободный, просвещенный потомок с благодарностью вспомнит пролитую за него кровь. За Болгарию ума, знания, прогресса, работы и за выразительницу этих заветов, независимую болгарскую печать»³². Возможно, такие построения проистекали из сравнения с русскими реалиями. Э. Гуссерль считал, что «чужое» конституируется на почве «собственного», что требует «делания понятным», т.е. упрощения объекта³³. Дополнительно включается и механизм «экономии усилий», в итоге, как пишет У. Липпман, характеризуя предмет, «сначала мы даем ему определение, а потом рассматриваем. В огромном шумном многоцветии внешнего мира мы вычленим то, что уже было определено нашей культурой. Мы воспринимаем предметы через стереотипы нашей культуры»³⁴. Когда же мы попадаем в плен стереотипов, пишет он, «мы обращаем внимание на те факты, которые поддерживают ее, и не замечаем факты, которые ей противоречат»³⁵. И, как пишут исследователи, люди «видят не то, что есть, а то, что могут или хотят увидеть»³⁶.

³¹ Там же. С. 158.

³² *Немирович-Данченко Вас. И.* Собрание сочинений. Т. XV. СПб., 1913. С. 269.

³³ *Вальденфельс Б.* Своя культура и чужая культура. Парадокс науки о Чужом // ЛогоС. 1995. Кн. 6. URL: <http://anthropology.rinet.ru/old/6/wald.htm> (Дата обращения: 22.09.2015).

³⁴ *Липпман У.* Общественное мнение. М., 2004. С. 97.

³⁵ Там же. С. 128.

³⁶ Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М., 1998. С. 3.

Символом равенства и демократичности государства представлялась и армия. «Вообще свободные нравы сербской армии весьма мало похожи на ту субординацию, которая признается необходимой в лучших европейских войсках», — считал Е.И. Мартынов³⁷. Равные взаимоотношения солдат и офицеров отмечались и в болгарской армии, из чего авторы делали категоричный вывод — в этих странах демократия повсеместна. В связи с подобными взаимоотношениями, как считал Вас. И. Немирович-Данченко, рукоприкладства в отношении солдат в этой армии не существует, он не видел «этого подлого ужаса»³⁸. Но другие свидетели описывали иные прецеденты. Начальник отряда Красного Креста М.В. Сахаров лично видел и описал в своей книге, как сербский офицер дал подчиненному пощечину и сбил с головы шапку: «Кулачную расправу с провинившимся солдатом мы видели в первый раз; по рассказам очевидцев, она применяется в сербской армии не так редко, хотя сербы тщательно это скрывают»³⁹. Л.Д. Троцкому офицер признался, что пороли «время от времени солдат», осознавая при этом: «Мерзость, сам знаю, да и воинский устав запрещает, но не было другого выхода». Били не жестоко, но выстраивали вокруг места экзекуции солдат для наглядности внушения. Офицер оправдывался за это: «В мирное время у нас никогда этого не бывает, но война есть война, и тут невозможно обходиться без таких... импровизаций»⁴⁰.

Вряд ли такие «импровизации» можно считать демократией в том смысле, в который в нее вкладывали в начале XX в., ведь это предполагает не только уважение к личности, но и к закону. Скорее здесь стоит видеть присущую обоим народам патриархальность. Офицеры не происходили из дворянских родов, как это было в Европе, их «каста» еще не успела сложиться, хотя и находилась на стадии формирования. Наступившая война и необходимость в большом количестве

³⁷ Мартынов Е.И. Указ. соч. С. 47.

³⁸ Немирович-Данченко Вас.И. Собрание сочинений. Т. XIV. С. 248.

³⁹ Сахаров М.В. С сербами к Скутари (впечатления) // Русские о Сербии и сербах. Т. 1... С. 548.

⁴⁰ Троцкий Л. Указ. соч. С. 96.

командиров всех уровней привели к размыванию узкой прослойки кадровых военных, поскольку не имелось достаточного резерва в виде отставных. В итоге на психологическом и социальном уровнях разницы не наблюдалось внешне, не было ее и в сознании самих болгар и сербов. Как верно подметил сотрудник журнала «Заветы» Ст. Вольский, война «сразу снимает культурные и социальные различия и устанавливает равенство первобытного военного стана»⁴¹. И это в свою очередь приводило к появлению, говоря словами Вас. И. Немировича-Данченко, «боевой семьи в полном смысле слова»⁴², где офицер был старшим, но не начальником. Поэтому и считалось допустимым «отеческое» поучение в виде телесного наказания, пускай и вопреки закону. При этом оно не представляло из себя публичную порку, а выглядело как «отцовская затрещина». Что опять-таки было далеко от европейского отношения к закону. Но в тех условиях данная система давала результат, восхищавший европейских наблюдателей.

«Демократичность» балканских славян в статьях и книгах корреспондентов усиливалась частым описанием внешнего вида солдат, облаченных в личную одежду, потому что «казенное добро недолго выдерживает непогоду»⁴³, в узорчатые шерстяные чулки⁴⁴, в опанки. О народном характере воинства говорит данное А.А. Пиленко описание болгарских войск на смотре под г. Чорлу. Солдат, дабы легче было нести ружье на плече, подложил объединенный початок кукурузы под погон, к орудию были привязаны большие часы с маятником, адъютант же «имеет вид бабы в шлафроке»⁴⁵. В целом, по словам корреспондентов, обмундирование войск было неудовлетворительно в силу бедности стран. Но это не казалось корреспондентам нарушением правил: «Какой это полк? Не распоз-

⁴¹ *Вольский Ст.* Письма с Балкан // Русские о Сербии и сербах. Т. 1... С. 539.

⁴² *Немирович-Данченко Вас. И.* Собрание сочинений. Т. XIV... С. 52.

⁴³ *Пиленко А.А.* Около Болгарской войны. Дневник и сорок девять любительских фотографий. СПб., 1913. С. 128.

⁴⁴ *Сахаров М.В.* Указ. соч. С. 545.

⁴⁵ *Пиленко А.А.* Указ. соч. С. 123–124.

нать! Погоны отстегнуты и висят изнанкой... Да и не все ли равно?»⁴⁶. Подобное несоблюдение правил им представлялось признаком демократичности.

И более всего их восхищал уровень образования в молодых балканских странах. Всеми признавалось значение обученности и подготовленности войск⁴⁷, но это считалось само собой разумеющимся, хотя офицеры и не любили тактических занятий⁴⁸, а пехотинцы периодически пренебрегали требованиями современной тактики (густые цепи, недостаточная огневая подготовка), что приводило к напрасным потерям⁴⁹.

Вас. И. Немирович-Данченко считал, что болгарская школа в тридцать лет создала один «из просвещеннейших народов», поэтому «не Манлихеры и Крезо победили Маузеров и Круппов и не петербургская военная академия — берлинскую, Давид швырнул в Голиафа не камнем, а книгой»⁵⁰, «побеждает грамотный, сознательный, болгарский гражданин-солдат варвара, насильника, невежду»⁵¹. В пример он приводил Тырновский округ, где осталось лишь 2% неграмотных, и слова министра образования Тодорова: «Еще немного, и в Болгарии не будет ни одного неграмотного. А потом на этой благодарной почве вырастут пышными цветами и университеты, и другие высшие учебные заведения»⁵². Вас. И. Немирович-Данченко считал, что в Болгарии процент грамотных составлял 86%⁵³. Штабс-капитан Н.П. Мамонтов, командированный «Утром России», утверждал, что «высокая степень культуры» болгар довела этот показатель среди призывных до 95%⁵⁴. Е.И. Мар-

⁴⁶ *Немирович-Данченко Вас. И.* Собрание сочинений. Т. XIV... С. 164.

⁴⁷ *Мамонтов* Указ. соч. С. 30.

⁴⁸ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 555. Оп. 1. Ед. хр. 473. Л. 20.

⁴⁹ *Мамонтов Н.П.* Указ. соч. С. 32.

⁵⁰ *Немирович-Данченко Вас. И.* Собрание сочинений. Т. XIV... С. 226–227.

⁵¹ *Немирович-Данченко Вас. И.* Собрание сочинений. Т. XV... С. 268.

⁵² *Немирович-Данченко Вас. И.* Собрание сочинений. Т. XIV... С. 38–39.

⁵³ *Немирович-Данченко Вас. И.* Собрание сочинений. Т. XV... С. 15.

⁵⁴ *Мамонтов Н.П.* Указ. соч. С. 9.

тынов и вовсе указывал, что в Сербии новобранцы приходят на службу уже грамотными, так как все дети с 6–7 лет «обязательно определяются в народные школы, где они должны пройти курс, по крайней мере, четырех классов»⁵⁵. Однако вряд ли корреспонденты просили солдат что-либо прочесть или написать, довольствуясь только официальной статистикой, отражавшей лишь количество закончивших школу. Известно, что значительная доля населения становилась вторично неграмотной, теряя навыки чтения и письма, поскольку не сталкивалась с ними в своей жизни и деятельности. Хотя надо отметить, что это имеет большее отношение к Сербии⁵⁶, нежели к Болгарии, в которой, по мнению Р.П. Гришиной, образование поощрялось и развивалось, поскольку, согласно планам руководства страны, должно было стать локомотивом развития страны⁵⁷. Но, по мнению Ст. Вольского, все значительные успехи в культуре и образовании Болгарии были поверхностны: «Хитрый болгарский селяк, который не верит никому на свете, который копит деньги с упорством французского мужика и делает состояние с неразборчивостью американского янки, остался таким же, каким он был тридцать лет назад»⁵⁸.

В итоге армия, «всосавшая в себя всю интеллигенцию своего народа», «где все думают и обдумывают»,⁵⁹ оказалась способной действовать, не ожидая приказов, а согласно пониманию целей и задач войны. «Отсутствие внешней дисциплины выку-

⁵⁵ Мартынов Е.И. Указ. соч. С. 41–42.

⁵⁶ Шемякин А.Л. Сербия // Югославия в XX веке: Очерки политической истории. М., 2011. С. 43. См. подробнее: Шемякин А.Л. Система народного образования в независимой Сербии: принуждение или потребность // Человек на Балканах. Социокультурные измерения процесса модернизации на Балканах (середина XIX — середина XX в.). СПб., 2007. С. 90–102.

⁵⁷ Гришина Р.П. Болгария и македонские болгары. 1878–1913 гг. // Дриновски сборник = Дриновський збірник. Т. 7. Харьков, София, 2014. С. 224.

⁵⁸ Вольский Ст. Письма с Балкан. Письмо второе // Заветы. 1913. № 2. С. 168.

⁵⁹ Немирович-Данченко Вас. И. Собрание сочинений. Т. XIV.. С. 118–119.

пается сознательным отношением к службе», — отметил русский доброволец капитан Самосеев в своих воспоминаниях, которые хотел опубликовать⁶⁰. Прямым проявлением сознательности корреспонденты считали развитую инициативу в армии. Восхищались, что «один едет и захватывает турецкие пушки, другой снимает с позиции целые роты неприятеля, озадаченного смелым и неожиданным появлением болгарского разъезда. Третий с таким же разъездом берет город»⁶¹. Их это восхищало даже тогда, когда приводило к срыву стратегического плана⁶². О какой же демократии или современном государстве писала русская пресса при таком очевидном пренебрежении правовыми нормами, будь то запрет на рукоприкладство или же приказ командующего?

Однако иное корреспонденты видели в отношении к человеческой жизни и здоровью. Иллюстрацией тому является организация медицинской службы. Ради скорости переброски войск по железной дороге задерживали поезда с ранеными⁶³, и корреспондент «Раннего утра» Н.И. Гасфельд писал: «Помощь раненым в виде перевязочных средств, медицинского персонала — самый больной вопрос в болгарской армии»⁶⁴. Резче выражался Л.Д. Троцкий: «Доставка провианта и транспорт раненых были поставлены отвратительно. Солдаты в дороге по два, по три дня ничего не ели. Раненые по неделям оставались без перевязки, в ранах у них заводились черви»⁶⁵. Признавалось это и сотрудником «Нового времени» А.А. Пиленко: «Самой слабой частью в болгарском войске неоспоримо приходится считать санитарию». Причины этого он видел и в уровне экономического развития государства, и в недостаточном количестве врачей, что связывал с «молодостью культуры» народа⁶⁶. Однако не только экономические

⁶⁰ ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Ед. хр. 473. Л. 55.

⁶¹ *Немирович-Данченко Вас. И.* Собрание сочинений. Т. XIV... С. 117.

⁶² Там же. С. 107–110.

⁶³ *Шевалье Н.* Указ. соч. С. 35.

⁶⁴ Там же. С. 29–30.

⁶⁵ *Троцкий Л.* Указ. соч. С. 192.

⁶⁶ *Пиленко А.А.* Указ. соч. С. 198.

факторы обуславливали такое состояние медицинской службы. «Они выбыли из строя; сейчас, сию минуту эти вычеркнутые единицы не нужны для удара, и ничье сердце здесь не болит о них»⁶⁷, — писал о раненых Вас. И. Немирович-Данченко. По его мнению, мало создать школу и армию, необходимо воспитать и чувство сострадания у народа, а до того «он, и грамотный, и свободный, и независимый, и победоносный, еще не достоин выйти на мировую арену одним из ее передовых действующих лиц»⁶⁸. Тем самым писатель, вновь себе противореча, косвенно признавал: образованность и просвещение, как следствие — гуманность, еще не укоренились на Балканах. Они там имели лишь свои внешние атрибуты.

Эту антиномию заметил и автор рецензии на книгу Немировича-Данченко, вышедшей в 1913 г. в «Вестнике Европы»: «Кричащие краски автор кладет густо и на изнанку войны: болгарские распоряжки в тылу армии, неорганизованность помощи больным и раненым изображены столь же черными красками, сколь яркими рисуется доблесть “вооруженного народа”»⁶⁹.

Различных внешних атрибутов современных государств хватало, но они возвышались среди остатков чисто балканского архаичного пейзажа. Визуальным отображением этого были города. И тут ничего не ускользало от взора наблюдателей. «Парные экипажи, буйволы, ослики, трамвай, черномазые чистильщики сапог, готовые оторвать вам ноги, европейское платье и отрепье цыган», — писал Е.Н. Чириков о Пловдиве⁷⁰. Вас. И. Немирович-Данченко считал, что Стара-Загора делается европейским городом: строятся большие дома, театр, достойный крупного русского университетского города, создаются просторные школы; «и рядом — старая, милая идиллия поэтического Востока»: кафе, где сидят, поджав

⁶⁷ *Немирович-Данченко Вас. И.* Собрание сочинений. Т. XIV.. С. 117. С. 227.

⁶⁸ Там же. С. 229.

⁶⁹ Литературное обозрение // Вестник Европы. 1913. № 9. С. 382.

⁷⁰ *Чириков Е.Н.* Поездка на Балканы. Заметки военного корреспондента. М., 1913. С. 136–137

ноги, турки, жарят «кебап» на углях, возвышаются купола турецкой бани⁷¹.

Однако когда корреспонденты смотрели на официальный фасад государственности, то всё, что противоречило их идеализированному и романтизированному восприятию болгар и сербов, оказывалось вне их поля зрения.

Возникали, говоря словами У. Липпмана, «слепые зоны», не позволяющие увидеть отвлекающие от магистрального пути образы⁷², способные усложнить и запутать картину. Потому большинство авторов и не задавалось вопросами о реальном государственном устройстве Болгарии и Сербии, в которых можно было заметить серьезные отличия. Болгарский монарх правил далеко не по букве конституции, что отличало его от сербского коллеги. Но кардинальная разница между ними заключалась, так сказать, в факторе Пашича. Царь Фердинанд сумел избавиться от всеильного премьера С. Стамболова, хотя далеко и не сразу, а у короля Петра на это не было ни времени, ни желания, ни, вероятно, возможности. Что и сказалось на реальном функционировании демократий: в Сербии она была полуторпартийной, узаконившей фактическое единоправие Н. Пашича, а в Болгарии — дирижируемой монархом.

Тем не менее между двумя интересующими нас странами существовала значительная разница. Причины крылись отчасти и в характерах самих народов. В Болгарии все же реально стремились к западным образцам, а в Сербии перманентно поддерживалась воинственность, по праздникам салютовали боевыми патронами, что удивляло В.Н. Штрандтмана. Как ему разъяснили, это символизировало «бодрость сербского народа, всегда готового защищаться от врагов»⁷³. Там постоянно готовились к вооруженному столкновению, и даже после двух кровопролитных Балканских войн Е.И. Мартынов свидетельствовал: «Я говорил со многими сербами, начиная от высшей интеллигенции и кончая простыми поселянами, и все они смотрят на войну с Австрией как на следующую очередную

⁷¹ *Немирович-Данченко Вас. И.* Собрание сочинений. Т. XIV... С. 51.

⁷² *Липпман У.* Указ. соч. С. 124.

⁷³ *Штрандтман В.Н.* Балканские воспоминания. М., 2014. С. 100.

задачу сербской политики»⁷⁴. Эти настроения, вечное существование народа в пограничной зоне приводили к формированию «человека вечной войны», по определению П.А. Ровинского⁷⁵, жизни по принципу «передышка между войнами»⁷⁶. В итоге получалось, что на востоке Балкан считали: «сначала развитие, затем объединение», а на западе — «сначала объединение, затем развитие». Прекрасное подтверждение тому — внешний вид Софии и Белграда, в котором, как говорили сербы русскому дипломату, незачем отстраивать большие дома, поскольку «рано или поздно они подвергнутся вражескому разрушению»⁷⁷. Увидев наличие партий и парламента, дружеские отношения офицеров и солдат, журналисты с восхищением писали о демократии в Болгарии и Сербии, взглянув на данные статистики и законы об образовании — о просвещенности и грамотности народов. Хотя армейские взаимоотношения стоит объяснять еще не произошедшей дифференциацией общества, когда элиты не успели отделиться от основной массы населения. В Сербии же и вовсе стремились к формуле «сербский народ — сообщество равных» ради сохранения единства народного духа⁷⁸.

В итоге очевидцы изображали Болгарию и Сербию стереотипно, происходило, по выражению Р.П. Гришиной, «спрямление нестандартных углов»⁷⁹. Единственное, в чем обвиняли балканские народы, было отсутствие сочувствия к собственным раненым солдатам. Корреспонденты сознательно или неосознанно не замечали имитационности успехов в государ-

⁷⁴ Мартынов Е.И. Указ. соч. С. 100.

⁷⁵ Ровинский П.А. Сербская Морава. Воспоминания из путешествия по Сербии в 1867 году // Русские о Сербии и сербах. Т. 1... С. 97.

⁷⁶ Гришина Р.П., Шемякин А.Л. Трудный путь к европейской цивилизации: Сербия и Болгария в конце XIX — начале XX в. Приоритеты развития // Из истории Сербии и русско-сербских связей. 1812–1912–2012. М., 2014. С. 27.

⁷⁷ Шtrandтман В.Н. Указ. соч. С. 116.

⁷⁸ Шемякин А.Л. Сербское общество последней трети XIX — начала XX века... С. 26; Гришина Р.П., Шемякин А.Л. Трудный путь к европейской цивилизации... С. 30.

⁷⁹ Гришина Р.П. Конституционная монархия в Болгарии... С. 126.

ственном строительстве, или же, по выражению Р.П. Гришиной и А.Л. Шемякина, фанерности. Это объясняется романтическим восприятием этих государств, казавшихся детищем русских усилий на Балканах. Поэтому корреспонденты обманываться были рады и с легкостью представляли читателю приукрашенную картину. Несмотря на значительные отличия балканских феноменов от их европейских образцов, журналисты громко заявляли о вхождении Болгарии и Сербии в семью современных государств западного мира.

РЕЗЮМЕ

БЪЛГАРИЯ И СЪРБИЯ ПРЕЗ ОЧИТЕ НА РУСКИТЕ НАБЛЮДАТЕЛИ ПРЕЗ 1912–1913 г: СТЕРЕОТИПИ И «СЛЕПИ» ЗОНИ

В статията се прави опит да се сравнят на описаните от руските журналисти през 1912–1913 г. държавни системи с реалното им функциониране, да се открият масовите стереотипи и да се очертаят «слепите» им зони. Авторът сравнява политическите системи на България и Сърбия, положението на монарха в тях и параметрите на демокрацията. Прави се извод, че в Сърбия тя е била «1,5 партийна», като узаконява фактическото единовластие на Н. Пашич, докато в България е била дирижирана от монарха. Проследява се и положението в армията, където наблюдава липса на строга субординация и пренебрегване на уставните норми, включително и на външния вид на военнослужащите. Отношението към ранените и в двете страни показва, че уважението към живота на хората още не се е превърнало в норма и хуманитарна ценност на Балканите. Това отбелязват всички руски очевидци. Те описват и пъстрите балкански градове, претърпяли по онова време модернизация, като разказват за тях с някакво умиление. В края на статията се разглеждат причините за изкривяването на действителността, които често непреднамеренно се създават от външни лица.